

Первая редакция представлена изданными московской и парижской²⁷ рукописями, а также так называемыми хрониками Льва Грамматика и Феодосия Мелитинского, которые нельзя считать самостоятельными произведениями; к ним близки флорентийская (Laurent., XX, 1, XI в.)²⁸ и более поздняя мюнхенская (Mopas., 139, XVI в.) рукописи. Из этих списков К. де Воор считал лучшим список Феодосия Мелитинского.

Уже В. Г. Васильевский показал, что славянский перевод хроники Симеона Логофета содержит несколько отличный от этих хроник извод, который он считал более близким к первоначальному тексту. С. П. Шестакову удалось найти в хранилищах древних рукописей некоторые греческие версии, отличные от извода Феодосия Мелитинского; таковы Paris. 854²⁹ и Vatic. 1807³⁰. Опубликование В. И. Срезневским полного текста славянского Логофета³¹ позволило установить, что он чрезвычайно близок к рукописям Paris. 854 и Vatic. 1807; по-видимому, славянский Логофет, Paris 854 и Vatic. 1807 представляют собою второй извод первой редакции³². Оба эти извода отличаются второстепенными разночтениями, которые были подробно рассмотрены в указанных выше работах В. Г. Васильевского, С. П. Шестакова и Г. А. Острогорского. Анализ разночтений приводит к выводу, что извод славянского Логофета ближе к первоначальному тексту, нежели извод Феодосия, но поскольку в отдельных случаях текст Феодосия является более правильным, нельзя все же считать, что оригиналом славянского Логофета была первоначальная хроника Симеона (как полагал В. Г. Васильевский): оба извода дают текст, отличающийся от первоначальной редакции.

К первой редакции примыкает и венская рукопись хроники Симеона Магистра и Логофета (Vindobon. hist. 37, XIV в. *F₁ по классификации Д. Моравчика), которая, по словам С. П. Шестакова, не содержит «сколько-нибудь значительных добавлений к содержанию хроники»³³, за исключением двух вставок: первая из них описывает «нечестивые» развлеченья Михаила III, окружившего себя распутными людишками, которые, «избрав из своей среды патриарха, а правильнее сказать начальника забав (παῦνιάρχης)», издевались над церковной службой; другая вставка, объясняющая прозвище патриарха Антония Кавлея, содержится также в венецианской рукописи (Marcian. 608, XV в.) Симеона Логофета и относится уже ко времени правления Льва VI³⁴.

Возможно, что более детальный анализ ряда неизданных рукописей хроники Симеона Логофета мог бы вскрыть наличие еще некоторых изводов в рамках первой редакции, что было бы существенно для установления архетипа рукописей и их взаимоотношения; однако для наших целей важно отметить лишь то, что все эти изводы обнаруживают незначительные разночтения и пропуски, обусловленные произволом переписчиков, но не содержат редакционных различий.

²⁷ Издана в кн.: Theophanes Continuatus. Bonnæ, 1838, p. 761 sq.

²⁸ С. de Voog. Die Chronik des Logotheten, S. 239. Обзор рукописей дает также Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 141.

²⁹ С. Шестаков. Парижская рукопись хроники Симеона Логофета. ВВ, т. 4, 1897, стр. 167 сл.

³⁰ С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета. ВВ, т. 5, 1898, стр. 19 сл.

³¹ В. И. Срезневский. Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и летописник собран от различных летописец. СПб., 1905.

³² Г. Острогорский. Славянский перевод хроники Симеона Логофета. «Seminarium Kondakovianum», v. 5, 1932, стр. 17 сл.

³³ С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета, стр. 32.

³⁴ Там же, стр. 32 сл.